

Александр ЛОМТЕВ

НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ГЕНИЙ

Жарким воскресным днем местный участковый бодро шагал по селу по своим одному ему ведомым милицейским делам, когда четверо праздных мужиков, куривших на завалинке, принялись странными жестами подзывать его. Участковый подошел, сдвинув форменную фуражку на затылок, присел к компании, и один из курильщиков, несмотря на июльскую жару одетый в замасленную телогрейку, тут же прилип к его уху и засипел:

— Чужой ходит по деревне, вопросы задает. Одет просто, а видно, что не простой... Да вон он!

Действительно, по сельской улице в сторону околицы шагал странный человек. В пыльных ботинках, простеньком пиджачке, на голове светлая легкомысленная кепчонка, за плечами полупустой рюкзачок. По всему — городской. Идет, посматривает по сторонам, улыбается чему-то... Подозрительный человек. Особенно в свете того, что во-он за тем лесом притаился совершенно секретный объект — потайной военный городок, нет которого ни на какой карте и о котором никто не знает. Не знает даже тот, кто знает. Вот, например, участковый — знает. А спроси его: знаешь? Ответит: не-а, ничего не знаю. А тут странный чужой человек.

Участковый решительно поднялся и встал на пути у прохожего:

— Здравствуйте. Вы что тут делаете, гражданин, куда идете?

— Да просто гуляю, — дружелюбно ответил прохожий, — путешествую, так сказать.

Надо ли говорить, что бдительного участкового такой ответ удовлетворить не мог. И не удовлетворил.

— А пройдемте-ка, гражданин, до сельсовета, — предложил участковый.

Прохожий беспокойства не проявил и противиться не стал. А в сельсовете сразу показал паспорт и объяснил, что любит ходить, вот и делает иногда пешие прогулки по окрестностям. А работает как раз за тем лесочком, там, где ничего нет.

— А откуда же вы знаете, чего там нет, если там ничего нет? — строго спросил участковый и принялся звонить в райцентр. Долго сидели у сельсоветского телефона: из райцентра звонили еще куда-то, потом еще. Ждали, ждали, пока наконец не зазвонил телефон, и строгий голос спросил у участкового:

— Как зовут пешехода?

— Дмитриев Николай Александрович.

— Отпустить немедленно, — прогремело в трубке, — так вас разедак! И извиниться!

Александр Алексеевич Ломтев — журналист, писатель. Родился в 1956 году. Основатель и издатель культурно-просветительской газеты «Саровская пустынь». Публиковался в различных литературных журналах России. Автор книг «Путешествие с ангелом» (финалист Бунинской премии 2008 года в номинации «Открытые года»), «Ундервуд», «Пепел памяти». Лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура», премии «Патриот России» и др. Живет в г. Сарове Нижегородской области.

Спросите среднестатистического жителя России лет сорока-шестидесяти, что он знает о советском атомном проекте, и вам худо-бедно расскажут о том, как в СССР создавалась ядерная бомба. То ли силами советских ученых, то ли стараниями советских разведчиков; упомянут Хрущева и его «кузькину мать» и назовут три-четыре фамилии причастных: Курчатов, Харитон, Зельдович, конечно же, Сахаров. Наиболее продвинутые вспомнят даже Берия, который атомный проект курировал. И вряд ли кто-то назовет фамилию Дмитриева. На странице «Участники советского атомного проекта» в Википедии эта фамилия не значится. Есть Духов, есть Давиденко, Дьяков, Доллежалъ есть, а вот Дмитриева — нет. И это печально, ведь математик, физик-теоретик, один из «двигателей» атомного проекта Николай Александрович Дмитриев был гением.

Корни

«Как причудливо тасуется колода!» — вслед за булгаковским Коровьевым можно было бы воскликнуть, размышляя над судьбой рода Дмитриевых. Ну, действительно, мог ли простой болгарский священник из городка Сливен, расположившегося на юге Балкан, вообразить себе, что его правнук будет жить в далекой России и окажется причастным к созданию мощнейшего ядерного оружия? А корпеть над неразрешимыми почти задачами правнук будет не где-нибудь, а в стенах монастыря, в котором его собрат по духу, пламенный монах Серафим провозгласил: «Стяжи дух мирен...»

Впрочем, и сам поп Димитр был не совсем уж простым человеком. Всесторонне образованный, он знал греческий и даже перевел с греческого на болгарский Евангелие, занимался просвещением земляков — в общем, был истинным православным интеллигентом.

Вполне закономерно и естественно, что один из сыновей Димитра — Константин — стал добровольцем повстанческого отряда поэта-революционера Христо Ботева. Православная Болгария, столетиями томившаяся под турками, кипела, казалось, вот-вот — и османское иго падет. И вначале дела небольшого — менее трехсот человек — отряда Ботева шли успешно. Повстанцы прошли с боями путь от побережья Черного моря до Софии. Силы, однако, были слишком неравными. В одном из сражений Ботев погиб от пули турецкого башибузука, а Константин был тяжело ранен. Спасенный жителями Софии, чудом выздоровев, Константин эмигрировал в Россию, окончил Одесское юнкерское училище и поступил на службу в русскую армию. Именно в это время и получил фамилию Дмитриев, поскольку у болгар в те времена фамилий не было, их заменяли отчества или отцовские прозвища.

Пришла любовь, Константин женился, и на свет появился сын Саша. Только вырастить его Константин не успел: возвращаясь в 1907 году домой с Русско-японской войны, он умер в дороге. Александр пошел, как говорится, по стопам отца: окончил кадетский корпус и военное училище, участвовал в Первой мировой войне.

Пожить спокойно, однако, не довелось: в любимой матушке-России грянула революция. Не очень разбирающийся в реалиях смутной эпохи, в Гражданскую сначала воевал на стороне белых, но потом перешел к красным и служил в Чапаевской дивизии. Мог бы, мог бы этот неприкаянный, ищущий простого счастья болгарин уйти с белыми за кордон, изменило бы это историю атомного проекта? Вопрос...

Как бы там ни было, судьба забросила Александра Дмитриева в Таганрог, где подарила встречу с простой русской девушкой из крестьянского рода — Валеи Горьковой. Молодым удалось перебраться в Москву, где они поселились в одном из переулков Старого Арбата. Там, в Москве, морозным декабрьским днем 1924 года и появился на свет будущий гений математики Коля Дмитриев.

Вундеркинд типа Паскаля

Однако беззаботно радоваться жизни получилось недолго: в 1927 году Александра Дмитриева арестовали и выслали на три года в Сибирь — не забыли его службы у белых.

После ссылки опальный болгарин поселился в Тобольске, куда супруге с детьми (к тому времени у них родился еще один мальчик — Боря) власти позволили приехать в 1930 году. Через год в семье появился еще один ребенок — дочка Елена. Жили бедно, но дружно. Отец рано распознал интерес Коли к математике и стал усиленно заниматься с сыном. «Отец учил меня арифметике, в том числе давал трудные задачи из задачника Малинина и Буренина и даже некоторые из задачника Верещагина, я их более или менее успешно решал, — свои детские годы Николай Александрович вспоминал с явной благодарностью отцу. — Затем он мне дал учебники Киселева, алгебры, геометрии и „алгебры и анализа“, которые я, опять же, более или менее читал».

Вот в этом «более или менее» — значительная часть характера Дмитриева, искренняя и естественная скромность. То, что у ребенка обнаружились зачатки гениальности, уже тогда было ясно всем. И когда в Наркомпросе узнали об одаренном мальчике из Тобольска, организовали его переезд вместе с семьей в Свердловск, а затем и в Москву. В столице Колю экзаменовала строгая, скептически настроенная комиссия с участием самой Крупской. Однако девятилетний математик развеял все сомнения скептиков и наделал немало шума в Москве. «У ребенка чрезвычайно большой объем знаний! — с восторгом делился с журналистами впечатлениями от „экзамена“ профессор Чистяков. — Он обладает громадной способностью соображения. Несомненно, мы имеем дело с исключительной одаренностью. За свою сорокалетнюю деятельность я ничего подобного не видел. Приходилось встречаться с замечательными счетчиками, но, к счастью, он не является таким механическим счетчиком, он идет гораздо дальше. Такие явления встречаются раз в столетие. Этот ребенок — типа Паскаля...» Статью в газете «За коммунистическое просвещение» о необычном ребенке так и назвали «Явление, встречающееся раз в столетие. 9-летний математик Коля Дмитриев».

Семья обосновалась в Москве, и началась серьезная учеба. Образцово-показательная школа имени Радищева, над которой шефствовал знаменитый институт ЦАГИ¹, индивидуальные занятия математикой с академиком Николаем Лузиным, Андреем Колмогоровым, опытным и требовательным профессором Мартыном Бергом, которого мальчик очень полюбил. Не менее серьезным был подход и к другим предметам. Оканчивая школу, Коля знал три языка: французский, немецкий и английский. Вообще, этот мальчишка разбивал все штампованные представления об «узконаправленном» вундеркинде. Когда корреспондент «Комсомольской правды» спросил его, кого он любит читать больше — Майна Рида или Поссэ? Николай ответил: «Знаете, и то, и другое очень интересно!» Вряд ли кто-то из его сверстников, зачитывавшихся Ридом, хоть что-то слышал о «Курсе анализа» Поссэ. И вообще, бешеные нагрузки не сделали из него отшельника; без игр во дворе не обходилось, например, в «войну в Испании», в «Чапая», а как же — по эпохе и игры; да и дома немало занятных дел: мастерили модели кораблей, воздушные шары из папиросной бумаги. Надо ли говорить, что все расчеты тут выполнял Коля.

Были, были скептики, сомневавшиеся, что из этого уникама вырастет что-то реально ценное для науки. Мало ли мы знаем примеров, когда скороспелые яркие вун-

¹ Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н. Е. Жуковского (ФГУП «ЦАГИ») — авиационный государственный научный центр России. Основан 1 декабря 1918 года в Москве пионером отечественной авиации Н. Е. Жуковским.

деркинды, взрослея, неминуемо гасли, оставив след лишь в восторженных статьях пожелтевших газет.

Николая, к счастью, такая печальная участь миновала. Он с блеском поступил в вуз — на механико-математический факультет МГУ — и опять восторженные статьи в московских газетах о пятнадцатилетнем студенте.

Жизнь, однако, не баловала юного гения, как, впрочем, и его предков: в сентябре 1939 года пионер Коля Дмитриев стал студентом, а летом 1941-го он под вой сирен тушил сброшенные немецкими самолетами «зажигалки» на крыше дома. Мать с младшими эвакуировалась в Башкирию, отец ушел в ополчение и пропал без вести. Николай вместе с университетом перебрался сначала в Казань, а потом в Ашхабад. Голод, холод, житейские передраги...

Не раз мир мог лишиться «поцелованного Богом математика». Во время одного из невольных эвакуационных путешествий он упал за борт баржи и едва не утонул, потом в Свердловске мог умереть от истощения — потерял продуктовые карточки и в крайне тяжелом состоянии попал в больницу. И опять-таки невольно возникает вопрос: как бы пошли дела с созданием ядерной бомбы в СССР, если бы... Но он выкарабкался, правда, по физической слабости пропустил учебный год.

Только в 1943 году вместе с университетом вернулся в холодную и голодную Москву. И несмотря ни на что — учеба, учеба, учеба.

В восемнадцать пытался уйти на фронт, но в военкомате навели справки и — не пустили.

В 1945-м — Победа и окончание вуза. В дипломе всего две оценки «хорошо» — по политэкономии и военному делу, остальные, разумеется, «отлично». Знай преподаватели, какое отношение студент Дмитриев будет иметь к «военному делу», поставили бы, пожалуй, «отлично». Авансом.

Бомба

Когда в августе 1945-го к Николаю подошла однокурсница Лида Копейкина и сообщила, что американцы взорвали над Японией «бомбу с ядерной энергией», тот не поверил. «Я был воспитан в несколько излишне материалистическом духе, „акулов не бывает“, — вспоминал Дмитриев позже, — и решил, что меня разыгрывают, такого быть не может или это неразумный слух». Но поверить пришлось. Человеку с четким аналитическим мышлением очень скоро стало ясно, что мечта о «широкой эволюции к социализму во всем мире» под реальной угрозой. Начинаясь «холодная война» вполне могла перерасти в очень горячую — ядерную.

Тогда Николай и сформулировал для себя отношение к проблеме: «Вот дело, которому стоило бы отдать десять лет жизни или даже всю жизнь: создание советской атомной бомбы». Правда, молодого математика смущало то обстоятельство, что наука СССР в этой области сильно отставала от достижений американцев: «Я не верил, что это возможно, мне казалось, что это требует американской техники, которой у нас нет и не скоро будет...» Но вот тут Николай Дмитриев ошибся. Знакомство с Яковом Зельдовичем и странное задание «о критических размерах угольного шара, у которого скорость горения пропорциональна температуре», а затем и слова Зельдовича о том, что «шар не угольный, а урановый, а скорость зависит не от температуры, а от плотности нейтронов», неожиданно приоткрыли завесу тайны. Оказывается, невозможное — возможно!

Сейчас даже странно думать, что начинался величайший атомный проект с двух небольших комнат в Нескучном дворце, в доме № 3 по Воробьевскому шоссе и неболь-

шого коллектива физиков, руководить которыми назначили члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора Якова Зельдовича. Да и техника, с помощью которой велись сложнейшие расчеты, сегодня вызовет лишь недоуменную улыбку — немецкие арифмометры «Триумф» да логарифмические линейки. Иногда, для особо важных расчетов, — электромеханическая счетная машинка «Мерседес». Работали много и трудно, но жили весело: купались в Москве-реке, ходили на танцы, сочиняли стихи и пьесы.

А в 1948 году основная часть теоретиков, включая Николая Дмитриева, отправилась в неизвестность — в затерянный в глухих лесах на границе Нижегородчины и Мордовии поселок Саров. Крохотный городок, в котором работал небольшой военный завод, во время войны выпускавший снаряды для знаменитых «катюш», был обнесен несколькими рядами колючей проволоки, следовой полосой и под псевдонимом «Объект» наглухо засекречен. Какими только «позывными» ни обозначали в секретных бумагах этот городок в течение нескольких десятков лет: «Москва-Центр-300», «Горький-300», «Кремлев», «Арзамас-75», Арзамас-16», пока в 1995 году ему наконец не вернули настоящее имя — Саров.

О городке этом в окрестных селах ходили удивительные слухи: мол, все там под землей, даже аэродром, но достоверно никто ничего не знал. Слышались только порой по ночам глухие взрывы из окружающих объект лесов. «Испытывают», — говорили сельские жители. Впрочем, разговоры такие не поощрялись.

На многих приезжавших на тот «Объект» конца сороковых — начала пятидесятых колючая проволока, автоматчики с крупными восточноевропейскими овчарками на поводках, жестокая секретность производили гнетущее впечатление. Моя родственница, приехавшая сюда вслед за мужем, увидев из окна машины колонну эзков, идущих на работу, расплакалась. Да, деньги тут платились хорошие и условия создавались отменные, но колючая проволока, невозможность в любое время выехать «за зону», пригласить в гости друзей и родственников... Это только через пару десятков лет многие осознали прелесть жизни в закрытом городе. Не напрасно же о таких «объектах» стали говорить: тут построен коммунизм в отдельно взятом городе.

Впрочем, мало кто из истинных ученых и инженеров, понимавших всю грандиозность поставленной перед ними задачи, задумывался о бытовой стороне вопроса. Работа на «Объекте» шла бешеными темпами и проявила всю глубину таланта молодого математика. Это осознавали все, включая Зельдовича, который, по воспоминаниям коллег, не принимал ни одного, пожалуй, серьезного решения, «не посоветовавшись с Колей». Впрочем, эту фразу — «надо посоветоваться с Колей» — не раз слышали и от других руководителей атомного проекта. А что уж говорить о его рядовых участниках: «Спроси у Николая Александровича», «Коля так не считает», «Я думаю, лучше Дмитриева никто с этим не разберется».

Один факт, который хорошо иллюстрирует «компьютерные» способности Николая Дмитриева. В 1948 году он выполнил одну из самых значительных своих работ — развил теорию неполного взрыва. Этим вопросом в американском атомном проекте занимался Р. Пайерлс, имевший в своем распоряжении огромные ресурсы. Так вот, позже выяснилось, что результаты, полученные Дмитриевым с помощью логарифмической линейки и арифмометра, удивительным образом совпали с экспериментальными данными Пайерлса.

Бомба была создана и испытана. Получены очередные награды и звания. Казалось бы, можно расслабиться, успокоиться; но жизнь текла своим чередом, а политическая обстановка в мире теплее не становилась, началась гонка по принципу «чья бомба мощнее». К тому же появление атомного оружия потребовало разработки средств защиты от него. В начале пятидесятых встал вопрос о необходимости совершенствования систе-

мы противовоздушной обороны. Дмитриев и здесь сказал свое веское слово, выполнив работу по созданию противоракет и совершенствованию системы ПВО.

Мы все трепещем перед ним

Понять величину гениальности Дмитриева человеку, не связанному с математикой или физикой, почти невозможно. Но поверим его коллегам — наверное, никто так точно и ярко не расскажет о человеке, как люди, десятилетиями трудившиеся с ним бок о бок, работавшие рядом из года в год. Особенно если эта работа — целая эпоха не только в жизни конкретных ученых и инженеров, но и — без преувеличения — в истории мира.

«Широкая публика», как уже сказано, мало что знает о Дмитриеве. А вот среди коллег-ученых вряд ли сыщется хоть один, кто не выразил своего восхищения этим человеком.

Академик Юрий Алексеевич Трутнев: *«Николай Александрович был, конечно, совершенно феноменальным специалистом. Полученные им результаты... — это классические труды. Строгие и очень ясные. Он умел сложнейшие вопросы разработать и объяснить, казалось бы, просто. На самом деле его суждения и выводы были очень глубокими».*

Доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии Владимир Николаевич Родигин: *«Он был непревзойденным мастером численных расчетов. Его орудием производства долгие годы оставался обычный ручной арифмометр „Феликс“. Удивительно было наблюдать со стороны, как он получал нужный результат, покрутив сначала ручку арифмометра несколько раз вперед, а потом назад. На мой вопрос, как ему удается делать сложные расчеты таким простым образом, он ответил: „А многие цифры я просто помню наизусть и пользуюсь ими при вычислениях“».*

Да, память у математика Дмитриева была действительно феноменальной.

Физик, лауреат Ленинской премии и премии Правительства РФ Владислав Николаевич Мохов: *«Если бы не было в КБ-11 трех специалистов: А. Д. Сахарова, Я. Б. Зельдовича и Н. А. Дмитриева — то интеллектуальный уровень коллектива института и эффективность его работы были бы намного ниже».* И это не преувеличение. Всех поражала его феноменальная способность находить простые решения сложнейших проблем. Недаром среди ученых ходили байки типа: «Какой самый быстрый способ решить сложную задачу? Нужно пойти к Дмитриеву и попросить решить».

Руководитель математического отделения ВНИИЭФ в 1966–2001 годах Иван Денисович Софронов: *«По моему мнению, он ни в чем не уступал ни Сахарову, ни Зельдовичу и превосходил всех остальных, вместе взятых... Начинал все Н. А. Дмитриев, он был первым человеком в Союзе, который для тех мало мощных машин, какие имелись тогда, стал разрабатывать двумерные программы. Мы их начинали разрабатывать, не имея машины. Когда она у нас появилась, то первой контрольной задачей, сосчитанной на ней в процессе приемки, была задача, решенная по программе „Д“...»*

Академик Я. Б. Зельдович: *«У Коли, может, единственного среди нас искра Божия. Можно подумать, что Коля такой тихий, скромный мальчик. Но на самом деле мы все трепещем перед ним, как перед высшим судьей».*

Но, пожалуй, ярче всего характеризует математика Дмитриева и отношение к нему собратьев-ученых курьезная, похожая на легенду история, рассказанная однажды Юлием Борисовичем Харитоновым, полвека руководившим Федеральным ядерным центром: *«Когда появились электронно-вычислительные машины, я решил посоветоваться с академиком А. Н. Колмогоровым о том, какие машины стоит приобретать и как организовать их использование. А. Н. Колмогоров ответил: „Зачем вам электронно-вычислительные машины? У вас же есть Коля Дмитриев!“»*

Недаром, совсем недаром и без всякого преувеличения Ю. Б. Харитон называл Николая Дмитриева звездой.

С моральной точки зрения

Мне порой не дает покоя мысль, как же так случилось, что советская атомная бомба появилась именно в Сарове, практически в стенах монастыря, известного своим подвижником Серафимом. Ну, действительно: где бомба, а где — «стяжи дух мирен»? Немало ученых, приложивших руки к созданию атомного оружия, впоследствии раскаивались в этом. И наши советские, и американские. Размышлял о моральной стороне вопроса и Дмитриев и даже обсуждал это с Зельдовичем. «Хотя дело было задолго до XX съезда, — писал он в воспоминаниях, — мы, конечно, относились весьма сдержанно к Сталину, нашему правительству и особенно к его политике. Я. Б. высказался как-то осторожно, что, несмотря ни на что, он все-таки считает правильным делать атомную бомбу. Я, со своей стороны, заявил, что для меня в этом нет никакого сомнения...» Ход его рассуждений был логичен и ясен: «Мы только что вышли из войны, страшной и беспощадной. А после взрывов в Японии стало ясно — следующая война возможна и реальна, если у нас не будет такого же оружия, как у американцев. Так что для меня это было чисто политическое решение».

Однажды в споре о «моральности-аморальности» работы над ядерным оружием Дмитриев сказал: «Я считаю, что более полезного, чем атомная бомба, в то время ничего не было! Она сдерживала угрозу войны. Что бы там ни говорили сегодня, но это именно так!»

Странные вещи случаются порой в жизни. Дмитриев искренне придерживался коммунистической идеологии и даже вел политсеминары для коллег-теоретиков, при этом партийные функционеры его недолюбливали. И это понятно: принцип «Раз партия так решила — значит, это безоговорочно верно» был не для него. Иной раз, прочитав в газете официозную статью, мог с автором горячо поспорить, организовать дискуссию на «скользкую» тему. Чего стоит одна только его фраза в письме в главную официальную газету СССР «Правда»: «Газетам верить в Советском Союзе не принято!»! Какому партийному боссу такое понравится?!

Ну и рано или поздно это должно было привести к серьезному «внутрипартийному» конфликту. И привело-таки. Случилось это на почве несогласия Дмитриева с оценкой партийными начальниками нашумевшего в те годы романа Дудинцева «Не хлебом единым». И «несознательного» математического гения исключили из рядов КПСС. Правда, ненадолго — в областном комитете компартии, видимо, решили, что Дмитриев не так уж и неправ, и решение горкома отменили.

Вообще, считается, что гении такого масштаба, люди, «утонувшие» в науке, обыкновенно плохо разбираются в житейских мелочах, да и вообще в реальной жизни. Приводят в пример байки о Сахарове, который в отсутствие уехавшей в отпуск жены пытался жарить неотваренные макароны или выходил из дома в ботинках разного цвета. Гений в представлениях среднестатистического обывателя — это такой доктор Гаспар², близорукий и в прямом, и в переносном смысле. Вот уж ничего подобного нельзя было сказать о Николае Дмитриеве.

«Он прекрасно понимал всю сложность реальных жизненных ситуаций, тонкости политики, необходимость компромиссов и маневров, возможность погони руководителей и политиков за своими личными, корыстными интересами, — писал в воспоминаниях о нем все тот же хорошо знавший его Мохов. — Это был необычайно прозорливый человек, хорошо знавший историю и роль в ней личности».

² Доктор Гаспар Арнери — персонаж повести Юрия Олеши «Три толстяка».

«Происшествие» с исключением из партии лишь укрепило авторитет Дмитриева и никак не повлияло на его политические убеждения, не заставило его быть осторожнее. Политсеминары его были по-прежнему остры, а темы дискуссий порой бросали в жар партийных начальников.

Иногда в таких дискуссиях участвовал и будущий опальный академик А. Д. Сахаров.

Дмитриев ничего плохого в том, что Сахаров стал заниматься правозащитной деятельностью, не видел. Однако, не одобряя многого в официальной политике руководства страны, он так же далеко не все одобрял и в воззрениях Сахарова.

«Он единственный с объекта, кто открыто приходил ко мне после появления „Размышлений о прогрессе“, потом „О стране и мире“, — вспоминал позднее Сахаров, — с просьбой дать их почитать и обсудить. Мои взгляды казались ему совершенно неправильными, но спорил он со мной по-деловому». Дмитриев и позднее, когда Сахаров попал в опалу и был сослан в Горький, не боялся приехать к нему. Один из всей когорты знаменитых ядерщиков. Соглашаясь с Сахаровым в том, что «недостаток уважения к правам граждан составляет одну из основных политических проблем» СССР, он считал, что проблема эта партией осознана и может быть решена. Не стоит, внушал он оппоненту, вмешивать в это «мировую общественность». Математический склад ума говорил Дмитриеву: все, о чем говорит Сахаров, в той или иной степени присуще не только социализму. «Мало ли имеется в истории и в настоящее время вполне капиталистических обществ с диктаторскими режимами», — писал он в одном из своих материалов, готовясь к очередной встрече с опальным академиком.

Увы, они не могли сойтись во мнениях. И не сошлись. Подводя итоги одной переписки с Сахаровым, Дмитриев констатировал: «С адресатом обсуждены вопросы и достигнуто полное *разногласие*». Впрочем, не будем уходить в тонкости политических разногласий этих двух гениев. Жизнь показала и правоту, и ошибки обоих... Дмитриев же до конца своих дней остался верен коммунистической идеологии и тяжело переживал крушение СССР. Он ходил на демонстрации, он не поступился принципами, он уверен был, что итоги перестройки принесут немало бед стране, которой он отдал столько сил. Правоверный коммунист, однажды он написал: «Чтобы делать политику вполне честно, надо встать на уровень Иисуса Христа» и «Кто хочет быть гуманнее Иисуса Христа, рискует сильно ошибиться, а кто считает возможным предъявлять моральные требования ниже, чем предъявляет марксизм (хотя бы на словах), рискует далеко зайти». Что ж, сегодня каждый может сам решить, насколько далеко мы зашли...

Ничто человеческое

В Сарове волей госзаказа «сделать нечто из ничего» собралось множество «технарей»: физики, химики, математики, инженеры всевозможных специализаций, но многие, многие из них не чужды были и лирики: кто-то занимался литературным творчеством, кто-то в художественной самодеятельности участвовал, многие рвались из-за «зоны» в походы. Туризм оказался популярным хобби в секретном городе.

Вот так начнешь вникать в жизнь человека из другого мира, а вдруг оказывается, что мир-то общий. Нежданно выяснилось, что дальняя моя родственница — троюродный плетень двоюродному забору — Тоня Романцова, оказывается, не только была знакома с великим математиком, но и водила семью Дмитриевых в байдарочные походы. Машины у Дмитриевых никогда не было, зато были свои байдарки — те еще, с деревянным каркасом, «Салюты», на которых веселой и дружной компанией ходили они походами по рекам и озерам. И по ближним: Мокше, Сереже, Пре, Буже и Мещерским озерам, и по неблизкой Чусовой. Так что тягу к перемене мест математик Дми-

триев удовлетворял регулярно. Мог взять нехитрый перекус и отправиться в одиночку по окрестным селам за десятки километров от Сарова с ночевкой в каком-нибудь попутном сельце... Впрочем, что там окрестности. Однажды решил исполнить свою давнюю мечту — уехал на Кавказ и больше двухсот километров отшагал по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал. Мне довелось проехать этим маршрутом на автомашине, и я понимаю, что значат эти двести километров...

Те, кому посчастливилось подружиться с Дмитриевыми, вспоминают о них со светлым теплом. Как бы ни был загружен глава семьи «атомной работой», а для жены и детей у него всегда находилось время. Приходили гости, супруга Людмила Васильевна играла на фортепьяно, а когда включали проигрыватель, хозяин дома всех дам приглашал на танец.

За столом Николай Александрович правилу «Когда я ем, я глух и нем» не следовал, любил поговорить, поощрял «умные беседы». Мог и озадачить. Однажды среди семейного застолья встал и произнес тост:

— За воинов Первой мировой войны!

Не сразу гости вспомнили, что и отец, и дед математика воевали в Первую мировую...

Вообще, как уже сказано, ученым сухарем он не был, а был он не только остроумным математиком, но и просто остроумным, веселым человеком. Однажды супруга купила ему новые тапочки-шлепки — без задников; сегодня они привычны, а тогда только-только появились в продаже. Николай Александрович надел их и сказал:

— Тапочки системы «ни шагу назад».

Смотришь на черно-белые семейные фото, сделанные когда-то простенькой «Смелой-8», и представляешь себе: темная комната (ванная?), красный фонарь, в кювете с проявителем проступают на белой бумаге очертания реки, байдарки, сидящих в ней людей и их веселые лица... Фотограф улыбается и отправляет фото в ванночку с закрепителем. Завтра будет работа, новые проблемы и задачи, а сегодня — дом, тихое семейное счастье.

Виноват в... скромности

Кто-то из коллег-физиков сказал однажды о Дмитриеве: «Блезя Паскаля знают миллионы, а кто сегодня слышал про Николая Александровича Дмитриева? Только люди, имеющие отношение к атомному проекту...» Как ни печально — этот так.

Да, они все были «засекреченными», но позже, когда советский атомный проект перестал быть гостайной, их имена зазвучали с разной степенью громкости. Раньше всех «нашумел», конечно же, Сахаров, позже появились из небытия секретности Зельдович, Харитон и другие, рангом и талантами пониже. Дмитриев если и упоминался, то как-то вскользь, вполголоса.

Как это ни странно, великий математик так и не получил докторскую степень, не стал академиком. Его-то самого это нисколько не печалило и не задевало — никогда не думал он о карьере, о наградах и продвижении «наверх».

Да и принципиальная независимость суждений гениального математика вызывала, как уже сказано, раздражение у начальства, что вряд ли способствовало продвижению по карьерной лестнице. Как бы горячо ни спорил он с Сахаровым, а когда узнал о его голодовке, лишь он один из всех коллег-ядерщиков рискнул написать генсеку Леониду Брежневу письмо с тревогой о здоровье академика. Впрочем, не рискнул — просто написал, поскольку считал, что должен это сделать.

Один из физиков-ядерщиков «первой волны», с которым мне довелось беседовать о становлении Ядерного центра, на вопрос о том, отчего Николай Александрович Дмитриев оказался «задвинутым» на второй план, задумчиво ответил:

— Отчасти он сам в этом виноват... В науке иногда умение себя подать играет не менее важную роль, чем собственно достижения. А он подавать себя не умел... Или не хотел... А скорее всего, даже не задумывался над этим.

Говорят, ему предлагали присвоить ученую степень доктора физико-математических наук «за совокупность научных трудов по созданию атомной бомбы» без формальной защиты диссертации. Николай Александрович отказался.

Тут мы видим тот редкий случай, когда человек получал удовольствие от действительно важных, глубоких вещей, от самой работы, а не от ее материальных и имиджевых дивидендов. Он действительно совершенно искренне считал, что ни звания, ни награды не сделают его ни умнее, ни лучше, ни счастливее. Как же не хватает такого понимания современному человеческому обществу!

Он и жил-то в обычной «трешке» в обычном доме, в то время когда многие его коллеги (в том числе, прямо скажем, не столь выдающиеся) располагались в шикарных по тем временам коттеджах.

Видимо, скромность и своеобразное отношение к жизни свойственно всему роду Дмитриевых. Много лет назад я пришел в саровский аэроклуб, чтобы научиться летать на парашюте. Наставником моим стал Василий Дмитриев. Простой, спокойный человек со своеобразным чувством юмора. Мы летали с ним и в окрестностях поныне закрытого Сарова, и в Крыму, сидели у костра, пели песни под гитару, а вот о том, что он сын великого математика, я узнал совершенно случайно много лет спустя. Работая в Федеральном ядерном центре, в свободное время Василий, влюбленный в небо, то в собственном в гараже, то в каких-то заброшенных цехах своими руками строил дельталеты и легкомоторные самолеты. Однажды ему предложили перейти в маленькую частную авиафирму, изготавливающую те же дельталеты и авиетки. Друзья убеждали его не бросать надежное место в госпредприятии. А Вася, улыбаясь, говорил: «Я там летать смогу, да мне за это еще и платить будут!» И ушел.

* * *

В Сарове многое напоминает о людях тех романтических времен — есть улицы Музрукова, Сахарова, Духова, Харитона... Есть даже кафе с брутальным названием «Кузькина мать». Недавно в городском сквере появился памятник Андрею Сахарову. Ученый расположился на скамеечке в окружении каштанов, рябин и кленов совсем недалеко от дома, в котором жил Николай Дмитриев. Улицы Дмитриева, однако, в Сарове нет. Единственное, чего удалось жителям города добиться от властей, — установки великому математику памятной доски на стене сталинки, в которой он жил.

В рабочем кабинете Николая Александровича Дмитриева висела рабочая доска, на которой постоянно красовалась надпись: «Спешите медленно!» Он так и жил. Делал все не спеша, вдумчиво и качественно. И столько успел.